

Орден Великого Небытия, главный Пик Достигающий Облаков

Бай Цзыюй бережно нес стопку новых даосских одеяний и венец. Его взгляд с нескрываемым любопытством то и дело возвращался к дверям покоев перед ним.

Будучи учеником внутреннего круга и личным преемником главы ордена, он никогда не разменивался на подобные мелочи — разносить одежду обычно поручали слугам.

Однако несколько дней назад учитель вернулся из похода. Вместо легендарного бессмертного артефакта, о явлении которого судачили повсюду, старейшины привезли с собой незнакомца — невероятно красивого мужчину, окутанного едва уловимой, возвышенной аурой.

Глава ордена, снискавший славу аскета и бесстрастного созерцателя, презрел изумленные взгляды учеников. Он лично перенес бесчувственного незнакомца в собственные покои, ни на шаг не отходил от его постели все эти дни и строго-настрого запретил кому-либо приближаться к дворцу.

Орден Великого Небытия гудел как растревоженный улей. Неужели глава ордена, без малого тысячу лет хранивший обет безбрачия, под старость лет воспылал страстью? Да и куда делся артефакт, ради которого затевался поход?

И вот совсем недавно пронеслась весть: незнакомец, несколько суток пролежавший без сознания, пришел в себя. Учитель тут же велел слугам подготовить чистое платье.

Бай Цзыюй, самый младший ученик на Пике Достигающем Облаков, не мог совладать с любопытством. Пользуясь тем, что учитель всегда прощал ему мелкие шалости, он перехватил слугу у самых дверей, отобрал у того сверток и тайком пробрался к покоям.

Сегодня как раз должен был завершить уединенную медитацию старший брат Мо Хань. Учитель возлагал на него огромные надежды и наверняка отправился лично встретить преемника, а значит, ловить нарушителя покоев сейчас просто некому.

Окрыленный этой мыслью, юноша устремился вперед. Он легко скользил над горными расщелинами и крутыми тропами, и уже вскоре перед ним выросли стены уединенного павильона.

Из-за строжайшего запрета здесь царил необычайное безмолвие. Нигде не было видно ни души, даже слуги обходили павильон стороной. Лишь вековые сосны, горные цветы да сочная трава дремали в наползающем тумане. Далекое ущелье тонуло в белесой дымке, и от этой тишины веяло почти замогильным покоем.

Тут у Бай Цзыюя шевельнулось запоздалое раскаяние. Он вспомнил о суровом наказании, которое грозило за нарушение воли патриарха, и замялся. Однако любопытство пересилило:

переведа дух, он нерешительно перешагнул порог.

Внутри царил полумрак. Не дождавшись ни звука, юноша облегченно выдохнул — учителя действительно не было.

Но стоило ему завернуть за угол, как он резко замер и шумно втянул воздух. Сердце испуганно пропустило удар.

Всего в нескольких шагах от него на циновке сидел мужчина. Тонкий силуэт в белом одеянии казался безупречно прямым, а его очертания в полумраке напоминали обнаженный клинок.

Бай Цзыюй оцепенел, не в силах отвести взгляд. Свежевыглаженное платье в его руках жалобно смялось под судорожно сжавшимися пальцами.

Одного взгляда хватило, чтобы понять: перед ним — истинный небожитель.

Незнакомец был невероятно красив. На нем красовались лишь свободные нательные одежды из белого шелка, а длинные, до самой поясницы, иссиня-черные волосы свободно рассыпались по плечам. Его безупречный профиль казался высеченным из чистейшего нефрита, а от тонких черт лица веяло отрешенным холодом. Он безучастно смотрел в окно на далекие пики, словно весь этот мир не стоил его внимания.

Бай Цзыюй полагал, что нет никого величественнее и одухотвореннее его учителя, и никого холоднее и неприступнее его старшего брата. Теперь он понял, как ошибался.

Мужчина перед ним, несмотря на распахнутый ворот и простоту убранства, внушал благоговейный трепет. Ни одна грязная мысль не смела коснуться этого образа.

Должно быть, его присутствие выдало себя — незнакомец неторопливо повернул голову. Его глаза, глубокие и чистые, как предрассветные звезды, безмолвно уставились на незваного гостя.

Этот взгляд был настолько пристальным и глубоким, будто во всей вселенной для него сейчас существовал лишь один-единственный человек.

У юноши перехватило дыхание. Смутившись, он поспешно отвел глаза.

Но взгляд невольно скользнул ниже, по небрежно наброшенному шелку. Тонкая ткань приоткрывала бледную, подобную нефриту грудь, на которой прямо напротив сердца белел старый тонкий шрам.

Бай Цзыюй вспыхнул до корней волос. Спотыкаясь, он попятился назад, едва не уткнувшись

лицом в принесенный сверток, лишь бы не смотреть на обнаженную плоть.

Лишь почувствовав у носа мягкий шелк, он спохватился: эти одежды предназначались для незнакомца! Осознав всю глупость своего жеста, он покраснел еще гуще от стыда.

— Д-даос... — запинаясь, выдавил он. — Учитель велел принести вам одежду. В горах нынче сыро и ветрено, прошу вас... примерьте.

Мужчина на циновке не шелохнулся. Он лишь молча наблюдал за пунцовым юношей, не делая попыток забрать сверток.

Бай Цзыюй так и стоял, отвернувшись и протягивая одеяния на вытянутых руках. В комнате повисла неловкая, почти осязаемая тишина.

Тем временем Цю Чэньчжи, изо всех сил стараясь сохранять величье на лице, мысленно уже бился в истерике.

Собственно, его разум безостановочно плавился с той самой секунды, как он впервые открыл глаза.

"Где я, черт возьми, очутился?!"

Он отчетливо помнил свой последний вечер: лежал в постели, лениво листал ленту в телефоне, потом выключил свет и спокойно заснул.

Никаких аварий, ударов током, insultов от недосыпа и уж тем более проклятий разгневанных читателей за брошенную книгу. И тем не менее он... переродился! Без всякого предупреждения!

Пробуждение в гробу и без того сложно назвать приятным событием, но на этом сюрпризы не закончились. Когда ему удалось выбраться наружу, он обнаружил, что находится в самом эпицентре яростного сражения.

Вокруг рубились не на жизнь, а на смерть две диковинные армии. Кровь лилась рекой, а среди сражающихся кишели такие чудовища и бестии, что среди них не нашлось бы ни одного нормального человека.

Внутренний голос вопил об опасности. Двигаясь неуклюже, словно напрочь лишенное гибкости тело внезапно разбил паралич, Цю Чэньчжи попытался дотянуться до валявшегося неподалеку меча. Какое-никакое, а оружие — если уж суждено погибнуть, то хотя бы попытаться

защититься.

Однако пальцы не успели коснуться рукояти: сознание заволокла тьма, и он снова провалился в беспамятство.

Очнулся он уже в этих покоях. Над ним склонился седобородый старец с безупречной осанкой праведника, а рядом лежал тот самый меч.

Пока в душе бушевал ураган паники, внешне Цю Чэньчжи оставался безмятежным как скала. Лицо застыло благородной маской отрешенности.

Рассудив, что молчание — лучший способ уберечь себя от разоблачения, он твердо решил не проронить ни слова и игнорировать любые расспросы.

К его удивлению, старец нисколько не оскорбился столь вызывающим равнодушием. Напротив, он расплылся в довольной улыбке, фамильярно ухватил его за ладонь и принялся увлеченно вещать, напрочь позабыв о солидности.

Из его бесконечного монолога Цю Чэньчжи по крупицам воссоздал картину происходящего. Судя по всему, судьба забросила его в мир культиваторов и бессмертных, а словоохотливый старик — не кто иной, как Истинный владыка Тяньцин, глава праведного ордена.

Тяньцин вел непримиримую войну с демоническим владыкой Сюаньяном на протяжении веков. Недавно тот ушел в глубокую медитацию, чтобы укрепить свои духовные силы, тогда как сам Тяньцин уперся в непреодолимый барьер и никак не мог совершить прорыв.

И тут, словно по воле Небес, на границе миров явился великий артефакт, рождающийся раз в десять тысяч лет. Решив не упускать столь редкий шанс, старец поспешил забрать сокровище себе, надеясь обрести прозрение.

И преуспел. Благодаря своему подавляющему превосходству в силе он сокрушил соперников и прибрал к рукам абсолютно всё.

А под «всем» подразумевался не только легендарный меч. Старик прихватил и самого Цю Чэньчжи, и даже древний гроб, в котором тот очнулся.

Какая поразительная жадность! Забрал всё до последней щепки, не оставив соперникам даже костей для обглаживания.

Но самое забавное крылось в другом. Поскольку Цю Чэньчжи хранил гробовое молчание, старый даос пришел к совершенно неожиданному выводу: он счел пленника духом меча.

Артефакты столь высокого ранга нередко обретали собственное сознание. Логика Тяньцина была проста: новорожденный дух не знает человеческого языка, не ведаёт о мирских порядках и дичится людей.

Молчание юноши и плотная концентрация духовной энергии вокруг него идеально укладывались в эту безумную теорию.

Цю Чэньчжи оставалось лишь мысленно развести руками. Воображение местных кудесников воистину не знало границ.

"Где это видано, чтобы дух меча покоился в запечатанном гробу, а не внутри клинка?!"

Тяньцин долго докучал ему нравоучениями, пока не пришло известие об успешном завершении медитации его старшего ученика. Старик тут же преобразился, взмахнул хвостом-кистью фучэня, вновь принял вид умудренного патриарха и величественно отбыл восвояси.

Но насладиться тишиной Цю Чэньчжи не успел — слышались легкие, торопливые шаги.

Повернувшись на звук, он увидел взволнованного юношу с охапкой одежды в руках. Щеки мальчишки пылали румянцем.

Кое-как разобрав бессвязный лепет незваного гостя, Чэньчжи сообразил, что это новый гардероб.

Проводив взглядом изрядно помятый шелк, он помедлил, а затем неторопливо забрал сверток.

Бай Цзыюй незаметно выдохнул. Краска понемногу сошла с его лица, и он вновь отважился взглянуть на прекрасного чужака.

На сей раз он старался не смотреть прямо в глаза, а скользил взглядом по точеной линии челюсти и черному локону, упавшему на плечо.

Разум подсказывал, что пора уходить, пока не вернулся разгневанный учитель.

Однако ненасытное любопытство удерживало на месте. Юноша впервые встретил столь величественное и прекрасное создание, и желание перемолвиться с ним хотя бы парой слов пересилило страх наказания.

Его размышления прервал негромкий стук. Небольшой венец из сандалового дерева выскользнул из рук мужчины и покатился к его ногам.

Бай Цзыюй вскинул голову. Цю Чэньчжи сидел неподвижно, зажав между длинными изящными пальцами прядь волос, и с легким недоумением созерцал упавшую заколку.

Бай Цзыюй мгновенно всё понял. Подняв вещицу с пола, он спросил:

— Вы... не умеете собирать волосы?

Вопрос попал в самую точку. Цю Чэньчжи, и без того не отличавшийся разговорчивостью, застыл изваянием.

Будучи сыном двадцать первого века, он понятия не имел, как совладать с этими метрами шелка и сложными даосскими прическами.

Воздух вокруг Чэньчжи словно остыл на несколько градусов. От этой внезапной суровости у Бай Цзыюя пробежали мурашки по спине.

Так лесной зверь замирает в норе, почуяв недовольство затаившегося хищника.

Поборов необъяснимую робость, юноша сделал шаг вперед и негромко предложил:

— Если вы не против, позвольте мне помочь.

Цю Чэньчжи долго всматривался в заколку в его руках. В его глазах мелькнула тень сомнения, но в конце концов он едва заметно кивнул.

Лед в его взгляде растаял, уступив место мягкой признательности. Уголки его губ тронула едва заметная улыбка.

У Бай Цзыюя заколотилось сердце. Руки предательски задрожали, а кончики ушей залила пунцовая краска.

Сделав глубокий вдох, он постарался успокоить дыхание и принять самый чинный вид. Обойдя мужчину со спины, он бережно коснулся шелковистых темных прядей.

Проведя пальцами по волосам, струившимся словно жидкий шелк, юноша снова смутился. Достав из Сумки Вселенной деревянный гребень, он тихо произнес:

— Прошу простить мне мою вольность.

Южная оконечность Пика Достигающего Облаков

На самой вершине утеса, овеваемый яростными ветрами, стоял мужчина. За его спиной покоился длинный меч, а полы белых одеяний шумно хлопали на ветру.

Мо Хань неподвижно замер над пропастью, словно часть этого скалистого пика. Лишь клубящаяся вокруг него острая аура выдавала скрытую мощь — он сам походил на обнаженный клинок, готовый сокрушить любое препятствие.

Редкие ученики, проходившие мимо, с благоговением взирали на вернувшегося из затвора старшего брата, мысленно восхищаясь его выдающимся талантом.

Его понимание сути меча за время уединения явно вышло на новый уровень. Обрести такую силу в столь юные годы — Мо Хань по праву считался сильнейшим среди молодого поколения культиваторов.

Впрочем, никто не решался подойти ближе. Все знали о его крутом и нелюдимом нраве, а потому спешили убраться подальше, направляя свои летающие мечи в обход утеса.

Оставшись в полном одиночестве, Мо Хань медленно разомкнул веки и устремил взор к небесам.

С облаков бесшумно спустился Истинный владыка Тяньцин. Смахнув пылинку с белоснежного фучэня, он ласково воззрел на любимого ученика, видя в нем достойного преемника.

Мо Хань склонился в вежливом поклоне, лицо его по-прежнему напоминало лед:

— Приветствую вас, учитель.

Его голос звучал сухо и резко, словно лязг стали.

Не дожидаясь дозволения, он выпрямился и прямо спросил:

— До меня дошли слухи, что из своего похода вы вернулись не один. Это правда, что в ваших покоях укрыт незнакомец?

Тяньцин помедлил, а затем тихо вздохнул:

— Чистая правда.

Мо Хань недовольно нахмурился.

"День первый моего отсутствия... Похоже, эти болваны в Высшем Царстве Бессмертных так и не заметили пропажи!"

<http://bllate.org/book/20750/2105921>